

КОНФРОНТАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ АМЕРИКАНСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Настоящая статья посвящена актуальной проблеме анализа наиболее востребованных конфронтационных коммуникативных стратегий современного американского политического дискурса в условиях эволюционных изменений функционально-прагматических особенностей данного институционального вида дискурса. Автор приходит к выводу о том, что ради достижения желаемого результата участники общения все чаще прибегают к вербализации агрессии, оказывая тем самым усиленное прагматическое воздействие на реципиентов, а также активно используют речевые тактики дискредитации, угрозы и даже оскорбления конкурентов.

Ключевые слова: *политический дискурс, коммуникативные стратегии, речевая тактика, конфронтация, прагматика, риторика, функциональная лингвистика*

В последние годы заметно усилилась интенсивность применения конфронтационных стратегий и тактик в политической коммуникации. Несмотря на общую установку, предписывающую участникам данного типа общения выстраивать дипломатические отношения с соперниками в соответствии с конвенциональными правилами речевого поведения, в речах политических деятелей все чаще встречаются нарушения профессиональных этических норм, намеренные оскорбления и дискредитация не только оппонентов, но и потенциальных избирателей, журналистов и медиаперсон. Анализ обширного эмпирического материала, включающего разножанровые дискурсивные фрагменты американской предвыборной кампании 2016 года и тексты выступлений администрации президента США 2017 года, позволяет говорить об изменениях в персуазивной политической коммуникации, ее ориентированности на выстраивание конфликтных ситуаций за счет экспликации вербальной агрессии. Данная тенденция в американской политической риторике требует более подробного изучения, поскольку она может впоследствии иметь глобальный и длительный характер, стать коммуникативной нормой.

Политический дискурс относится к институциональным видам дискурса, где в качестве основного критерия выступает социальный статус говорящего (в данном случае – политика). Д.В. Шапочкин определяет политический дискурс как совокупность речевых действий, имеющую «полевое строение, в центре которого находятся те жанры, которые в максимальной степени соответствуют основному назначению политической коммуникации – борьбе за власть. Это парламентские дебаты, речи политических деятелей, голосование» [6, с.57]. Основная цель политического дискурса – побудить адресата (избирателя) к

«политически правильным» действиям и убедить его в своей позиции, а также получить или сохранить власть. В соответствии с данными установками политические деятели выбирают необходимые им коммуникативные стратегии и тактики.

В качестве коммуникативной стратегии мы будем рассматривать части речевого взаимодействия или поведения, в которых используется ряд вербальных и невербальных средств, направленных на достижение определенного коммуникативного результата [1, с.152-154]. В зависимости от нравственных ориентиров и мировоззренческих ценностей индивида, а также его целевой установки, Н.Н. Кириллова выделяет кооперативные и конфронтационные (некооперативные) типы стратегии. Если в основе первого типа стратегий лежит принцип кооперации или сотрудничества, то конфронтационные стратегии построены на авторитарной модели, установки коммуниканта на лидерство, его желании выстроить вокруг себя иерархию социальных отношений. К данному типу стратегий Н.Н. Кириллова относит дискредитацию, подчинение, насилие, агрессию, разоблачение, претензию, угрозу, захват инициативы, контроль над ситуацией, принуждение, проработку, соперничество, конфликт [2, с.29].

Коммуникативная стратегия дискредитации в политическом дискурсе направлена на создание субъектом речи негативного образа оппонента при помощи различных риторических приемов, вызывающих необходимый прагматический эффект. Данную стратегию можно часто встретить в предвыборных дебатах, где целевой установкой коммуниканта служит стремление представить оппонента в невыгодном свете [5, с.189]. В качестве примера можно привести высказывание Хилари Клинтон в отношении Дональда Трампа.

We don't know all of his business dealings, but we have been told through investigative reporting that he owes about \$650 million to Wall Street and foreign banks. Or maybe he doesn't want the American people, all of you watching tonight, to know that he's paid nothing in federal taxes, because the only years that anybody's ever seen were a couple of years when he had to turn them over to state authorities when he was trying to get a casino license, and they showed he didn't pay any federal income tax.

So if he's paid zero, that means zero for troops, zero for vets, zero for schools or health. And I think probably he's not all that enthusiastic about having the rest of our country see what the real reasons are, because it must be something really important, even terrible, that he's trying to hide [8].

Используя в одной связке словосочетание *the American people* и личное местоимение *we*, Клинтон подчеркивает свою связь с американским народом и противопоставляет ему Трампа. С помощью придаточного предложения условия с *if* и наречия *probably*, а также благодаря использованию усилительных наречий, она, избегая прямых обвинений, намекает на мошеннический характер своего политического противника. Параллелизм, на котором основано перечисление традиционных для США ценностей, позволяет подчеркнуть отсутствие патриотизма у Трампа.

Для стратегии подчинения свойственны тактики определения иерархии и ограничения полномочий. Это активно проявляется, например, в выступлениях Дональда Трампа перед прессой, где он позволяет обращаться к себе только определенным СМИ. Так, на желание журналиста CNN задать вопрос он ответил следующее:

Don't be rude. I'm not going to give you a question. I am not going to give you a question. You are fake news [9].

В начале высказывания Трамп использует императивную конструкцию, демонстрируя свое превосходство и назидательность над журналистом, что является явным нарушением конвенциональной коммуникативной нормы для политических пресс-конференций. Затем он использует лексический повтор, чтобы подчеркнуть свое нежелание отвечать на вопрос журналиста. Завершается высказывание выражением *fake news*, имеющим сильную негативную и даже оскорбительную коннотацию в отношении средств массовой информации и серьезно дискредитирующим CNN.

Коммуникативные стратегии насилия, агрессии, разоблачения, претензии и угрозы могут быть выражены как в прямой, так и в косвенной форме. Прямая вербальная агрессия представлена, как правило, в форме угрозы или насмешки. Для косвенной агрессии характерна несопоставимость смысла высказывания сумме смыслов его компонентов. Как отмечает О.В. Эпштейн, «анти-социальная направленность менасивных речевых актов и их использование в институциональном виде дискурса, предполагающем сохранение дипломатических отношений, вызывает необходимость представлять конфликтное речевое поведение в основном в виде косвенных форм» [7, с.1342]. В качестве примера косвенного вербального акта угрозы можно привести высказывание Дональда Трампа в микроблоге «Twitter» о Северной Корее и Китае.

North Korea is looking for trouble. If China decides to help, that would be great. If not, we will solve the problem without them! U.S.A. [11]

Повествовательная конструкция в первом предложении содержит, на первый взгляд, скорее предостережение для Северной Кореи, но, зная контекст ситуации, в нем легко распознать угрозу для идеологического противника США. Следующие высказывания не содержат упоминания Северной Кореи, однако использование фразеологизма *solve the problem*, часто обозначающего заказные убийства или решение какой-то проблемы путем насильственного вмешательства, создает на фоне синтаксического параллелизма необходимый для адресанта агрессивный подтекст. Заканчивается высказывание локальным обозначением, которое придает патриотический эффект сообщению и носит призывной характер.

Тактика контроля над ситуацией и захвата инициативы осуществляется в тех случаях, когда коммуникант управляет речевой ситуацией и доминирует в разговоре. Это реализуется за счет регулятивных конструкций.

QUESTION: ... since the '70's has had a required audit from the IRS, the last place to release them, but as president sir...

TRUMP: You know, the only one that cares about my tax returns are the reporters, OK? They're the only who ask.

QUESTION: You don't think the American public is concerned about it?

TRUMP: No I don't think so. I won, when I became president. No, I don't think they care at all. I don't think they care at all [9].

Траммп использует тактику захвата инициативы, употребляя лимитирующее определение *the only one* и противопоставляя тем самым интересы журналистов и американского народа. Не давая репортеру закончить высказывание, Трамп употребляет разделительный вопрос в начале и в конце предложения, демонстрируя тем самым, что именно он контролирует речевую ситуацию. На вопросительно-отрицательный вопрос журналиста Трамп отвечает утвердительно, используя синтаксический повтор и словосочетание *at all*, с помощью которого подчеркивает, что данный вопрос большой не имеет актуальности. Грамматическая основа *I won* в сочетании с придаточной конструкцией *when I became president* употребляется Трампом для того, чтобы выразить собственное мнение и сопоставить его со взглядами и оценками всего американского народа. При этом президент не уточняет, над кем он одержал победу, намекая в том числе и на недоброжелательных, по его мнению, журналистов.

Для коммуникативных стратегий принуждения и проработки свойственны речевое манипулирование и речевая агрессия, используемые с целью заставить оппонента совершить определенные действия. В американском политическом дискурсе подобная тактика реализуется с помощью ультимативного давления и императивных конструкций. Стратегии принуждения и проработки можно встретить, например, в речи госсекретаря США Рекса Тиллерсона.

Russia can make progress in implementation by de-escalating violence and taking steps to withdraw separatist armed forces and heavy weapons so that OSCE observers can fulfill their role. Until full progress is made under the Minsk Accords, the situation in Ukraine will remain an obstacle to improvement in relations between the U.S. and Russia [10].

Словосочетание *can make* выражает предложение совершить действие, необходимое коммуниканту и стране, которую он представляет. Второе предложение имеет ультимативную форму, созданную при помощи придаточной конструкции с временным союзом и главной части предложения, содержащей модальный глагол *will*, который часто используется для выражения настояния или даже приказа.

Коммуникативная стратегия соперничества или конфликта выражается не только с помощью дискредитации соперника, но и благодаря речевой тактике противопоставления ему некоего идеала. Целью коммуниканта здесь является возражение политическому оппоненту и одновременно с этим репрезентация перед аудиторией самого себя как более подходящей альтернативы. Данные коммуникативные стратегии особенно интенсивно используются в предвыборном дискурсе. В качестве примера возьмем два высказывания Трампа, сделанных им во время первых дебатов с Хиллари Клинтон.

Typical politician. All talk, no action. Sounds good, doesn't work. Never going to happen. Our country is suffering because people like Secretary Clinton have made such bad decisions in terms of our jobs and in terms of what's going on.

(...)I am very underleveraged. I have a great company. I have a tremendous income. And the reason I say that is not in a braggadocious way. It's because it's about time that this country had somebody running it that has an idea about money [8].

Главными приемами в обоих высказываниях становятся эллипсис и лексические и синтаксические повторы. Активизируя концепт «talk/not action», Трамп пытается дискредитировать не только саму Хиллари Клинтон, но и в целом политическую систему США последних десятилетий, противопоставляя им образ успешного бизнеса, который имеет представление о деньгах. С помощью яркого олицетворения «our country is suffering» и эллиптических предложений придается негативная коннотация самому слову «politician», получающему здесь совершенно новое значение («people have made bad decisions»), а также конструируется навязываемая реципиентам субъективно-авторская оценка внутренней и внешней политики страны.

Таким образом, анализ обширного иллюстративного материала позволяет обнаружить, что в современном американском политическом дискурсе используются самые разные речевые тактики и приемы коммуникативных стратегий конфронтации. Прагматический эффект, достигаемый с помощью различных вербальных актов агрессии, сегодня привлекает американских политиков всех уровней. В стратегиях конфронтации, а не кооперации, они зачастую видят более приемлемый способ достижения поставленной цели. Подобное речевое поведение в целом изменяет современный язык дипломатии, разрушает многолетние традиции и нормы коммуникации, свойственные данному виду институционального дискурса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кашкин В.М. Введение в теорию коммуникацию. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 224 с.

2. Кириллова Н.Н. Коммуникативные стратегии и тактики с позиции нравственных категорий // Вестник НГТУ им. Р.Е. Алексеева. Серия «Управление в социальных системах. Коммуникативные технологии». – Вып. 1. 2012. – С. 26-33.

3. Храменко Д.С. Конвенциональность и дерегламентация современного английского делового дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31): в 2-х ч. Ч. I. С. 194-197.

4. Храменко Д.С. Эволюционные процессы английского делового дискурса // Лингвострановедение: методы анализа, технология обучения. Тринадцатый межвузовский семинар по лингвострановедению: сб. статей: в

2 ч. – Ч.1. Языки в аспекте лингвострановедения / Отв. ред. Л.Г. Веденина. – М.: МГИМО-Университет, 2016. С. 75-85.

5. Храмченко Д.С., Хлопотунов Я.Ю. Функционально-лингвистические особенности тактической реализации конфликтных коммуникативных стратегий американского предвыборного политического дискурса // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2017. № 1 (67): в 2-х ч. Ч. II. С. 188-191.

6. Шапочкин. Д.В. Политический дискурс: когнитивный аспект монография. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2012. 260 с.

7. Эпштейн О.В. Косвенный речевой акт угрозы в политическом дискурсе (на материале английского языка) // Известия Самарского научного центра РАН. 2009. №4-5. С. 1337-1343.

8. Blake A. The first Trump-Clinton presidential debate transcript, annotated // The Washington Post [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/the-fix/wp/2016/09/26/the-first-trump-clinton-presidential-debate-transcript-annotated> (дата обращения 15.04.2017)

9. Donald Trump's News Conference: Full Transcript and Video // The New York Times [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nytimes.com/2017/01/11/us/politics/trump-press-conference-transcript.html> (дата обращения 15.04.2017)

10. Remarks with Russian Foreign Minister Sergey Lavrov at a Press Availability [Электронный ресурс]. URL: <https://www.state.gov/secretary/remarks/2017/04/270136.htm> (дата обращения 15.04.2017)

11. URL: <https://twitter.com/realdonaldtrump/status/851767718248361986> (дата обращения 15.04.2017)